

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Историческая антропология,
микроистория и история
повседневности в Германии (80–90-е
годы)

Книга: Историческая антропология

Лекция: Историческая антропология, микроистория и история повседневности в Германии (80–90-е годы)

Автор лекции: Алия Масалимова

Цель: изучить особенности формирования научной дисциплины в Германии, в восьмидесятые – девяностые годы прошлого века.

В начале 80-х годов среди историков Германии существовали различные точки зрения по вопросу о том, что следует понимать под “исторической антропологией”.

Главная особенность и отличие дискуссий периода 80-90 гг. двадцатого столетия от научных обсуждений 70-х годов об исторической антропологии в Германии заключалось в том, что они концентрировались вокруг теоретических положений билефельдской школы, признанной в то время наиболее влиятельной в академических кругах. Ее самые известные представители - Ханс-Ульрих Велер и Юрген Кокка - рассматривали историю как социальную науку, целью которой был анализ «структур и процессов как результат последствий определенных событий, решений и действий». Но при этом Велер и Кока считали, что сами действующие и принимающие решения люди не могут полностью осознать либо же предвидеть эти структуры и процессы. Надо сказать, такой взгляд на историю формировался под влиянием марксизма.

Действительно, билефельдская школа во многом основывалась на воззрениях Карла Маркса. Например, его идея прогрессивного развития человечества основывалась на оптимистическом убеждении в том, что в процессе истории жизнь человечества постепенно меняется в лучшую сторону. Эту идею развивали известные мыслители XVIII века, такие как Иоганн Готфрид Гердер. В XIX веке это были Огюст Конт, Георг Вильгельм Гегель, Карл Маркс. В их трудах исторический прогресс понимался как закономерное движение общества по единому, общему для всего человечества историческому пути. В этом процессе важная роль отводилась модернизации и индустриализации.

Модернизация при этом понималась как сложный, глобальный, взаимообусловленный социокультурный процесс, охватывающий все сферы жизнедеятельности общества, и определяющий степень его готовности и способности к эволюции. Модернизация с точки зрения этой теории рассматривается как всеобъемлющее явление, включающее в себя различные мероприятия по структурной и функциональной дифференциации общества, профессионализации, бюрократизации, рационализации, урбанизации, индустриализации и т.д., что приведет, в конечном счете, к переходу от традиционного общества к современному.

В теоретической модели Ханса Ульриха Велера и Юргенна Кокки марксизм дополнялся теорией Макса Вебера. То есть движущими силами истории помимо экономики выступали и политика, и культура.

Как вы помните, немецкая школа была представлена тремя направлениями, одно из которых создавалось во Фрайбурге. Ее представители - уже известные нам Томас Ниппердай, Йохен Мартин, Рольф Шпранделя, Август Ничке. Историческая антропология в их трудах имела философскую направленность и по своей интерпретации и пониманию по существу ни в чем не противоречила основным положениям «исторической социальной науки». Более того, создатели Института исторической антропологии во Фрайбурге не только тесно сотрудничали, но и были солидарны с установками билефельдской школы, также стремясь расширить теоретические рамки исторической социальной науки «в антропологическом направлении».

Но в отличие от двух этих школ, члены геттингенского кружка в лице Ханса Медика, Альфа Людтке, Дэвида У. Сэбиана и других, избрали в качестве ориентира социальную и культурную антропологию и этнологию. Соответственно, начиная с 80-х годов они заняли резко критическую позицию по отношению к теоретическим выкладкам историко-социологической школы Ханса У. Велера и Юргена Кокки.

Эти разногласия отчетливо проявились в марте 1983 года во время проведения коллоквиума, организованном Дюссельдорфским университетом. Значимость этого научного мероприятия состояла в том, что по его материалам был подготовлен сборник под названием: «Историческая антропология. Человек в истории», опубликованная в 1984г.

На этом форуме в выступлении представителя фрайбургской школы Йохена Мартина задачей исторической антропологии было обозначено «изучение истории человека в его целостности» и выяснение условий сохранения человеческого в человеке. Свою идею и размышления Мартин подкрепил конкретными примерами из проекта по изучению истории детства в разных обществах. По его замыслу предполагалось исследовать существующие представления о ребенке и воспитании, этапы, формы и методы социализации и многое другое. Для этого привлекались специалисты - представители разных дисциплин: историки, педагоги, социологи, медики, психологи, включая индологов, синологов и т. д.

В аналогичном ключе звучала тема доклада Августа Ничке (Институт социальных исследований в Штутгарте), который выдвинул в качестве главной задачи изучение изменений поведения людей во времени. Это направление получило название «историческое исследование поведения». В исследовательской программе штутгартской школы особый упор был сделан на изучении “эффективных” форм поведения,

Книга: Историческая антропология

Лекция: Историческая антропология, микроистория и история повседневности в Германии (80–90-е годы)

Автор лекции: Алия Масалимова

т.е. способных повлечь за собой социальные перемены.

Выступление Ханса Медика из Института истории имени Макса Планка в Гёттингене на этой встрече было целиком полемично и вызвало дискуссию. Прежде всего, он поставил принципиальный методологический вопрос. А именно, как можно понять сложную взаимосвязь между детерминирующими структурами и практикой действующих субъектов? Между жизненными обстоятельствами и опытом этих людей? И, по словам ученого: «Историческая социальная наука» до сих пор не дала ответа на этот вопрос. Не помогают тут и пресловутые подсистемы, измерения или факторы, такие как политика, экономика и культура, на которые предлагается разложить исторический процесс в целях последующего выявления каузальной зависимости». «Тем не менее было бы наивно, отмечал в своей речи докладчик, пытаться объяснить исторические явления и процессы только на основании значений и субъективного смысла».

По заключению Х. Медика: «Обнаружение подобных «тупиков» социальной истории, и послужило побуждающим мотивом для него и для его коллег к изучению работ по социальной и культурной антропологии. Именно там удалось обнаружить плодотворные подходы к обозначенной выше проблеме». Его подход можно назвать «этнологической социальной историей». Критикуя абстрактные, с его точки зрения, построения Т.Ниппердея и его коллег, Х. Медик ратовал за диалог историков и этнологов, способный прояснить, по его мнению, сложную взаимозависимость социальных структур и действующих в истории людей.

По мнению немецкого ученого, в трудной герменевтической ситуации поиска доступа к субъективному опыту людей историк может помочь «понимающая» этнология Клиффорда Гирца с предложенным им принципом «насыщенного описания» и анализом символических форм к которым относятся слова, изображения, институции, формы поведения. И все эти подходы следует использовать для развития концепции субъективного опыта людей, исходя из их собственной перспективы.

“Этнологический взгляд”, подчеркивал автор, способен повысить внимание историков к уникальности и инаковости явлений прошлого, к тому, что традиционно находилось на периферии исследовательских интересов - в том числе к издержкам индустриализации и модернизации. Ханс Медик в качестве доказательств сослался на удачные, с его точки зрения, примеры обращения историков к социальной антропологии. Это работы Натали З. Дэвис, Жан Клода Шмитта, Э. Ле Руа Ладюри, Э. П. Томпсона и мн. др.

Надо отметить, что проект “антропологизации” истории, выдвинутый Медиком, отражал его тесные контакты с зарубежными коллегами, прежде всего, американскими, и по терминологии (например “инаковость”), постановке проблем, интересу к микроистории.

Доклад, озвученный на дюссельдорфском коллоквиуме, был затем переработан Х. Медиком в статью под названием «Миссионеры в лодке? Этнологические методы познания как вызов социальной истории». В период с 1984 по 1995 гг. эта статья издавалась четыре раза в немецком и английском вариантах. Что, безусловно, свидетельствует о растущем интересе со стороны ученых и популярности этого направления в среде неспециалистов.

Для представителей академической социальной истории это был вызов. И на него быстро отреагировали. Юрген Кокка, к примеру, в целом отметил, что подходы к исторической антропологии, продемонстрированные в докладах И. Мартина и А. Ничке, вполне приемлемы, хотя и с некоторыми оговорками с точки зрения исторической социальной науки. Но критику вызывает культур-антропологически ориентированный подход Х. Медика и его геттингенских коллег, собирательно названных представителями «истории повседневности».

Ю. Кокка готов был признать, что культур-антропологически ориентированная история повседневности действительно может обогатить социальную историю. Верно и то, что в истории повседневности существовала тенденция не уделять достаточного внимания «культуре». Однако, прежде всего, сама история повседневности должна избавиться от присущих этому направлению крайностей и ошибочных положений.

Кокка приводит следующие аргументы. Во-первых, возможности микроисторических исследований ограничены в силу того, что возникает проблема репрезентативности, сравнения данного случая с другими, подобными, а это уже требует усилий, направленных на анализ тех или иных понятий. И вообще, частное не имеет большого смысла, пока не установлена его связь с общим. История повседневности пока не дала примеров синтеза, вероятно, она к нему не способна.

Во-вторых, предположения о том, что понятия и теории, призванные объяснить историческую действительность, можно вывести из нее самой, - это просто неисторическая иллюзия. Не существует

Книга: Историческая антропология

Лекция: Историческая антропология, микроистория и история повседневности в Германии (80–90-е годы)

Автор лекции: Алия Масалимова

никакого непосредственного, прямого пути к научному изучению историко-социальной реальности. В этом заключается большая разница между повседневностью и наукой.

Итоговый вердикт, вынесенный Ю. Коккой культур-антропологически ориентированной социальной истории, или как ее коротко называли «истории повседневности», гласил: «В той мере, в какой этот подход представляет ценность, он вовсе не подрывает, а лишь расширяет парадигму исторической социальной науки, однако его претензия стать некой альтернативной парадигмой основана на иллюзии».

Эта дискуссия между геттингенской группой историков и билефельдской школой продолжалась много лет. С учетом последующего развития историографии можно заметить, что и те, и другие были по-своему правы.

Ханс Медик и другие геттингенцы справедливо отмечали, что в «исторической социальной науке» действуют некие абстрактные силы, а не конкретные живые люди.

И в то же время Ю. Кокка; был совершенно прав, утверждая, что при построении синтеза микроисторикам не обойтись без обобщающих социально-исторических понятий и процессов. Замечания Ю. Кокки о невозможности прямого, «включенного» наблюдения и постижения исторической действительности, бесспорно, были обоснованы и перекликались с критикой опасностей гирцизма в работах Дж. Леви, Р. Шартье и других ученых.

Таким образом, наряду с термином «историческая антропология» все более популярным в Германии с конца 70-х годов становилось другое название - история повседневности, его-то и использовал Ю. Кокка в обобщенном смысле. Именно это понятие, в конце концов, стало рассматриваться как своего рода немецкий бренд антропологически ориентированной истории. Причинами этого успеха были события социально-политического характера.

Начало 80-х годов в Западной Германии ознаменовалось настоящим историческим бумом, проявлением массового интереса к изучению прошлого своей малой родины - города или поселка, к истории своей семьи. На первый взгляд можно было предположить, что энтузиасты бросили вызов историкам-профессионалам. Широко популярными и распространенными стали «исторические мастерские» (historische Werkstüben). В практику вошла «устная история» - записи воспоминаний пожилых людей о своей жизни. Иначе говоря, интерес к опыту и переживаниям «маленького человека» получил название «история повседневности» (Alltagsgeschichte), или «истории снизу» (Geschichte von unten). В совокупности это было лишь частью более масштабного процесса демократизации общественной жизни и, как закономерный итог, совпал с зарождением движениями «зеленых» и феминистов в Германии.

Можно сказать, что возникло своего рода противостояние между представителями академической науки и энтузиастами-любителями. Уже упоминавшиеся историки-профессионалы Х.-У. Велер, Ю. Кокка и др. выступали с критикой истории повседневности. На их взгляд история повседневности как малооригинальная дилетантская концепция подрывает основные принципы профессии историка.

Однако на фоне быстрорастущей активности энтузиастов-любителей по созданию истории повседневности профессиональные ученые тем временем сформулировали свою теоретическую модель этого направления под тем же названием. В научной среде профессиональных историков созданию «истории повседневности» способствовали труды английского историка Э.П. Томпсона и влияние работ этнологов и социологов.

Наибольший вклад в разработку именно научной «истории повседневности» внес Альф Людтке - научный сотрудник Института истории Общества имени Макса Планка в Гёттингене.

«От изучения государственной политики и анализа глобальных общественных структур и процессов обратимся к малым жизненным мирам» - так звучал призыв германских исследователей, задумавших написать «новую социальную историю» как историю рядовых, обычных, незаметных людей.

Вместе со своим коллегой по институту и единомышленником Х. Медиком, А. Людтке вел длительную полемику с Ю. Коккой и Х.-У. Велером. Выступая критиками «старой науки», Х.Медик и А.Людтке призывали молодое поколение обратить все силы на изучение «микроисторий» людей или групп, носителей повседневных интересов.

История повседневности, - отмечал А.Людтке, - оправдывает себя как самая краткая и содержательная формулировка, полемически заостренная против той историографической традиции, которая исключала повседневность из своего видения». «Важнее всего в изучении истории повседневности изучение человека в труде и вне его, - продолжает он. История повседневности предполагает детальное историческое описание успешных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, ситуаций конфликтов и сотрудничества между людьми, а также их душевные переживания, воспоминания, истории любви и ненависти, а также

Книга: Историческая антропология

Лекция: Историческая антропология, микроистория и история повседневности в Германии (80–90-е годы)

Автор лекции: Алия Масалимова

и надежд на будущее».

Центральными темами в анализе повседневности являются жизненные проблемы тех, кто остался безымянным в истории. Индивиды в таких исследованиях предстают и действующими лицами, и творцами истории, активно производящими, воспроизводящими и изменяющими социально-политические реалии прошлого и настоящего».

Вся соль и острота дискуссий между представителями научно ориентированной «истории повседневности» и билефельдской школой объяснялась еще и тем, что предметом исследовательских интересов Людтке был именно тот период германской истории, что и у его оппонентов. Но при этом их разобщали разные исследовательские подходы.

В сфере интересов Людтке была, прежде всего, история германских рабочих в XIX–XX веках, а главным вопросом стояла проблема принятия и/или сопротивления пролетариев навязываемым им правилам игры, фабричным порядкам, идеям национал-социализма и т. д.

Он подчеркивал: «История повседневности проявляет интерес к мировым историческим явлениям и процессам, к истории малых социумов и исторических коллективов, а также к семейной и биографической истории. Ее цель - сделать так, чтобы «обычные люди» обрели в истории собственные голоса и лица».

Людтке ввел ряд принципиально важных для его концепции понятий. Ключевым является понятие, которое можно перевести как «своеволие», «самоуважение» или «своенравное упрямство». По мнению А. Людтке, зависимость рабочих от заводского начальства не была абсолютной. Несмотря на фабричную дисциплину, они находили возможности для самоутверждения, используя для этого такие способы как несанкционированные перерывы в работе, или же вели себя таким образом, что их поведение можно было охарактеризовать как «валяние дурака».

В целом понятия «своеволие», «самоуважение» или «своенравное упрямство» трактуется как отстаивание работником определенной независимости на своем рабочем месте. Как это было возможно? Объясняется просто, чем выше квалификация работника, тем больше предоставляется ему самостоятельная работа, тем больше администрация оказывается в зависимости от такого работника, а у него расширяется поле для проявления своеволия и расширения своей независимости. Такая модель поведения, как «своенравное упрямство», была характерна и для армейской службы.

К примеру, в разделе «Рабочие, Eigensinn и политика на германских предприятиях в 1880-1914 годы» Людтке отходит от традиционного стереотипа и рассматривает политическое поведение как определенную форму «методов самоутверждения», способов преодоления ограничений и давления. Различные попытки выживания формально незаконными способами, такими как присвоение продуктов питания, угля и дров, не воспринимались рабочими как некое нарушение норм респектабельности. «Во всех случаях успеху, т.е. выживанию, изменению и улучшению своего положения способствовало не безвольное подчинение, а та особая демонстрация гордости трудящегося человека, которая проявлялась в процессе выстраивания отношений с товарищами по работе, но также в ходе конфронтации с начальством. Именно эта гордость, по мнению Людтке, скрывалась за отстаиванием рабочими различными способами право на «своеволие» в их повседневной политике».

К концу 80-х годов история повседневности стала общепризнанным научным направлением, получила известность за пределами Германии. Об этом свидетельствуют сборники статей под редакцией А. Людтке, вышедшие в 1989 году в Германии, в 1995 году в английском переводе в США. Большой вклад историки этого направления внесли в изучение феномена нацизма, рассматривая его, так сказать, изнутри, с точки зрения тех рядовых людей, которые вольно или невольно содействовали утверждению фашистской диктатуры в Германии.

Несмотря на то, что в Германии в 1980-1990 гг. сформировалось несколько исследовательских подходов, фактически, ни один из этих подходов так и не стал по-настоящему влиятельным направлением, которое бы объединило историков всей страны. Успех же выпал на долю одного направления, сформировавшегося в 80-х годах: истории повседневности.

Характеризуя это направление в целом, можно отметить его несомненное «родство» с другими разновидностями антропологически ориентированной истории, особенно с микроисторией. Однако, в отличие от других стран, в Германии историки повседневности главное внимание сосредоточили не на средневековой эпохе и начале Нового времени, а на жизни и быте людей в недавнем прошлом, в XX столетии.

Что касается собственно «исторической антропологии», то сейчас это понятие в Германии не обозначает какого-то одного, определенного направления; скорее оно имеет собирательное значение, объединяя ряд

Книга: Историческая антропология

Лекция: Историческая антропология, микроистория и история повседневности в Германии (80–90-е годы)

Автор лекции: Алия Масалимова

родственных подходов и направлений: история повседневности, микроистория, история менталитета, история культуры и т.д.

Отражением этого плюрализма служит журнал “Историческая антропология: Культура. Общество. Повседневность”, выходящий с 1993 г. под редакцией Рихарда ван Дюльмана, Альфа Людтке, Ханса Медика и Михаэля Миттерауэра. В первый год издания на страницах журнала была опубликована программная статья К.Гинзбурга о микроистории, работы по “женской истории”, семиотике, истории кино и т.д. Журнал охотно предоставляет свои страницы антропологам, на его страницах обсуждаются как “внутренние” вопросы этнологии, так и ее отношения с историей.

Основные термины

Этнологический взгляд, история повседневности, историческая социальная наука, биографические истории.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Ким С.Г. «Этнологическое измерение прошлого»: из опыта исторической антропологии ФРГ // Этнографическое обозрение. 2003. № 4.
2. Ким С.Г. Основные тенденции исторической антропологии в Германии 1960 - 80-х гг. // К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994.
3. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999;
4. Рихард ван Дюльмен Историческая антропология в немецкой социальной историографии/ THESIS, 1993, вып. 3, (Перевод В.И.Рубцова)
5. Оболенская С.В. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта Индивидуальная биография как опыт исследования истории повседневности // Одиссей. Человек в истории. М., 1996.
6. История повседневности. Сб. науч. работ / Под ред. Б.И. Колоницкого. СПб.: Изд-во Европейского ун-та: Алетейя, 2003. 207 с.